УДК (430).027

Н. Н. Наумов

«Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: автор и проблема жанра

«Книга императора Сигизмунда», составленная на средневерхненемецком языке в 1437–1440 гг., — источник много цитируемый, но слабоизученный. Начиная со времени первой, впоследствии подвергнутой серьезной критике публикации 1728 г.[1], исследователи ссылаются на него, когда пишут об известном короле и императоре первой половины XV в. Немецкие историки XIX в. тщательно разобрали все рукописи, дали оценку мере пристрастности автора и предприняли критическое издание памятника[2]. Тем не менее по многим вопросам они не пришли к единому мнению: по-разному определялась мера близости тех или иных рукописей к утраченному оригиналу; оценка источника колебалась от «писанины» недостойного доверия проходимца (О. Лоренц[3]) до «народной книги», в которой «впервые было рассказано немецкому народу о судьбе одного из его собственных правителей» (Т. фон Керн[4]); к критическому изданию, осуществленному В. Альтманном, предъявили претензии уже через год после его появления[5]. В конце 1980-х гг.

[1] Eberhardi Windeckii Mogunt. Historia vitae Imp. Sigismundi vernacula // Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxonicarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. Col. 1073–1288.

[2] Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893.

[3] *Lorenz O.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des 13. Jhs. Bd. 2. Berlin, 1888. S. 300.

[4] *Kern Th. von.* Eberhard Windek, der Geschichtsschreiber König Sigismunds // Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte. Neue Folge [2. Serie]. Jg. 4. 1875. S. 350.

[5] *Wyss A.* Eberhard Windeck und sein Sigmundbuch // Centralblatt für Bibliothekswesen. Jg. 11, Heft 10–11. 1894. S. 477.

интерес к этому источнику, несколько поугасший в середине XX в., вновь возродился, причину чего можно видеть в современной привлекательности фигуры Сигизмунда Люксембургского. Этот правитель-космополит, говоривший на шести языках и правивший несколькими государствами — Венгерским королевством, Священной Римской империей и Чешским королевством — полностью отвечал духу европоцентристских устремлений интеллектуалов стран Центральной Европы. За последние два десятилетия не только состоялось несколько конференций, посвященных Сигизмунду, но и был опубликован венгерский перевод «Книги императора Сигизмунда»[6]. В настоящее время готовится новое издание в серии MGH[7]. Но до сих пор сколь-либо полный разбор источника — как в отношении внешней, так и внутренней критики его — не был предпринят в зарубежной историографии. Он остается актуальным и для отечественной науки, знакомой с «Книгой» по существу лишь благодаря краткому параграфу из труда М. А. Бойцова[8].

Настоящая статья призвана частично восполнить этот пробел и рассмотреть судьбу и характер Эберхарда Виндеке — автора «Книги» — в обоюдной связи с природой и направленностью его произведения. Разделы «Личность автора» и «Проблема жанра», а также итоговое заключение посвящены следующим вопросам: какие черты характеризуют мировоззрение этого человека и как они отразились в его труде? Какова жанровая принадлежность источника и чем она обусловлена? Можно ли различить в судьбе и взглядах Виндеке следы той эпохи, в которой он жил? Данные вопросы относятся к внутренней критике источника и требуют непосредственного обращения к его тексту, но не к рукописной традиции. Ссылка на рукописи дается там, где они позволяют судить о сущности самого текста, либо его восприятии современниками и потомками (например в вопросе о заглавии источника). Ссылки на «Книгу» приводятся по изданию Альтманна, содержащему 473 с., с последовательным указанием капитула, параграфа и страницы по образцу [I, § 1, S. 1].

Личность автора

Неприязнь к патрициату. Автор «Книги императора Сигизмунда» представляется читателю как «Эберхард Виндеке, бюргер из Майнца» [I, § 2, S. 1].

[6] Eberhard Windecke emlékirata Zsigmond királyról és koráról / Fordította, sájtó alá rendezte és a bevezető tanulmányt írta Skorka Renáta. Budapest, 2008.

[7] *Schneider J.* Das illustrierte «Buch von Kaiser Sigmund» des Eberhard Windeck // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Jg. 61, 2005. S. 172.

[8] *Бойцов М. А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 204–209.

Городские книги начала XIV в. называют его род в числе патрицианских, «древних» родов этой корпорации[9], чьей привилегией было заседать в городском совете. Однако ко времени жизни автора (ок. 1380 — ок. 1440) социально-политическое и материальное положение его семьи ухудшилось: Эберхард уже не имеет места в совете и жалуется читателю, что «со своими братьями и сестрами был ужасно беден»[10] [CCXXII, § 237, S. 199]. С городским патрициатом у него не сложились отношения: «древних» он неоднократно характеризует в «Книге» как людей, чья «страшная заносчивость, ненависть и своеволие»[11] [CCCLXV, § 459u, S. 440], чье «злое правление»[12] [CCCXLIV, § 417, S. 388] привели к тому, что община города погрязла в долгах. В одном месте он будто бы намекает, что сам достоин места в совете: «Если бы господин, или же город взял в свой совет благочестивых, порядочных, мудрых и добродетельных господ и людей, которые могли бы служить и имели бы любовь к Богу и чести, тогда и Господь полюбил бы нас и тогда и всем нам было бы лучше»[13] [CLII, § 155, S. 133]. Этому вполне соответствует реальное поведение Эберхарда, известное по документам[14]: когда в 1428 г. община разогнала совет «древних», Виндеке поддержал ее и был выбран членом новосозданного Совета Десяти.

В статье о политических конфликтах в Майнце того времени современный исследователь Кристоф Брикс утверждает, что Эберхард представляет собой «тип патриция, чувствующего себя ущемленным»[15]. По факту род Виндеке вполне мог оставаться патрицианским (при том, что был лишен ряда полагающихся ему привилегий), однако убеждения автора, сквозящие во всей «Книге», имеют мало общего с этосом «древних». Для Эберхарда быть советником должен в первую очередь тот, кто обладает соответствующими умениями и качествами, т.е. заслуживает этого сам по себе, а не ввиду своего наследного первенства в числе граждан, своего «древнего» происхождения, культ которого был особенно силен в таком городе, как Майнц[16]. Более того, в 1430-х гг. Виндеке дистанцируется от всей городской корпорации, власть в которой вернулась

[9] *Ioannis G. Chr.* De patriciorum veterum Moguntinensium familiis, discrimine, juribus, contentionibus, fatis Commentariolum // Scriptorum historiae Moguntinensi cum maxime inservientium T. 9. Cum indicibus locupletissimis curante G. Chr. Ioannis. Francofurti-ad-Moenum, 1727. P. 457.

[10] «...ich mit minen geswistern gar arm was».

[11] «...ir grosser ubermüt und haß und eigener wille».

[12] «...ir böse regement».

[13] «...wanne ein herre oder stat nemen in iren rat frome sitticlich wise tugenthaft herren und lúte, die das gewarten kunnen, got und ere liep hetten, so hette uns got ouch liep und ging uns allen dester baß».

[14] *Hegel C.* Verfassungsgeschichte von Mainz im Mittelalter. Leipzig, 1882. S. 77.

[15] *Brix Cr.* Die politischen Konflikten in der Heimatstadt Johannes Gutenbergs, 1411–1444: Überlegungen zu den Patreien und ihren Zielen // Gutenberg-Jahrbuch. Hrsg. von St. Füssel. Jg. 85. Mainz, 2010. S. 103.

[16] *Hegel C.* Op. cit. S. 64–67.

к старому совету, и жалуется на «враждебность и другие провинности, которыми, к сожалению, запятнали себя бюргеры и жители Майнца», добавляя при этом, что его «жизнь и имущество находятся под угрозой»[17]. В «Книге» он с горечью замечает, что «некогда славный город Майнц совершенно погублен»[18] [CCLXVIII, § 317, S. 276].

Итак, корпоративный дух в Эберхарде слаб или во всяком случае переживает сильный кризис. Тем не менее коллективизм не совсем чужд его характеру: в психологии Эберхарда, подробно расписывающего в «Книге» свои благодеяния ближним и друзьям, ощущается клановое сознание. Цель жизни Виндеке видит в достижении «высокого места и почета как самому себе, так и всем своим ближним»[19] [I, § 2, S. 2]. Подобную клановость можно отнести к общим чертам тогдашнего патрициата в немецких и итальянских землях XIV–XV вв., в чём можно убедиться на примере многочисленных патрицианских семейных хроник. Углублению этой черты способствовала неудовлетворенность отдельных семей своим политическим статусом и политические амбиции непривилегированных городских общин. Претензии Виндеке на влияние в семье и городе столь наглядны, что один из ранних исследователей Сигизмунда, Карл фон Фихард, даже отнес труд Эберхарда к вышеупомянутому жанру семейной хроники[20].

В поисках жизненного успеха. Биография Виндеке, восстановление раннего периода которой возможно лишь на основе «Книги», т.е. собственных слов Эберхарда, выдает в нём человека любознательного, предприимчивого и несколько склонного к авантюрам. По его собственным словам, он захотел, будучи отроком, «уйти из дома без ведома отца»[21] [V, § 8, S. 6], что удалось со второго раза. Дождавшись окончания осенней ярмарки в Майнце, он покинул город и, посетив Эрфурт, Бамберг, Вюрцбург и Франкфурт-на-Майне — где также могли произойти примечательные мероприятия, вроде торговых ярмарок, — возвратился домой. В середине 1390-х гг. он сопровождает «некоего влиятельного купца», направлявшегося в Прагу; в 1400–1402 — уже герцога Штефана Ингольштадтского на пути в Париж [V, § 9, S. 7]. В 1403–1406 он участвует в торговых операциях под началом Лоренца Гроланда, купца из Нюрнберга [VI, § 12, S. 8]. Согласно документу, датированному 18 октября 1409 г.[22], Виндеке —

[17] Письмо Эберхарда Виндеке к герцогу Вильгельму Баварскому от 9 мая 1432. Опубликовано: Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893. S. 490–492. Цитата: «...fyentschaft und schulde wegen, damit die burger und bysesßer zu Meincz leyder beladen sint, dardurch ich libes und gudes nit sicher were».

[18] «...vast und sere verdorben was».

[19] «...und mag er im selber und allen den sinen fürbas gehelfen zu eren und fromen».

[20] *Fichard J. C. von.* Eberhard Windeck, der Biograph König Siegmunds // Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Literatur und Geschichte. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1815. S. 324.

[21] «...one sines vater wissen».

[22] Долговая расписка Эберхарда Виндеке и его жены Элшпет, данная Йоригу Кунцельману, бюргеру из Динкольбюхеля. Регеста опубл. в: Zsigmondkori oklevéltár / Összeállította Mályusz E. 2. köt. Budapest, 1956. № 7137.

бюргер Пресбурга (*венг.* Пожонь, *совр.* Братислава — немецкоязычный город на западе тогдашнего Венгерского королевства), женатый на местной гражданке — берет в долг сукно, обязуется выплатить к ближайшему празднику Сретения Господня (2 февраля 1410) 315 «новых хороших венгерских флоринов» и ручается всем своим движимым и недвижимым имуществом, «находящимся в Венгерском королевстве или где-либо еще»[23]. Однако торговля сукном не задалась: в 1414 г. Эберхарду и его жене уже приходилось ручаться «всем, что у них есть, будь то лошадь, вол или что-либо другое»[24]. Возможно, Виндеке увидел шанс исправить свое неблагоприятное материальное положение и избавиться от долгов перед Йоригом Кунцельманом, влиятельным патрицием[25], решившись на авантюру. В это время местный городской совет обвинил в казнокрадстве судью Ульриха Раухенвартера, который был знаком или даже дружен с Эберхардом: его подпись стоит на всех известных залоговых документах, касающихся Виндеке. Согласно местному документу 1428 г.[26], Эберхард совместно с Раухенвартером пытался настроить общину города против городского совета, но был арестован. Освободиться из-под ареста он смог лишь благодаря тому, что трое других граждан Пресбурга согласились внести за него залог и поручиться за то, что он явится на судебное разбирательство. Но Виндеке предпочел исчезнуть из города навсегда, покинув обремененную долгами жену.

Причастность к пространству власти. Характер Эберхарда Виндеке определил его дальнейшую судьбу. Из-за своей неуживчивости и жизненных обстоятельств он не смог обрести опору в корпорациях городского типа, консервативных структурах, где происхождение человека и накопленное материальное богатство играло основополагающую роль. Выбиться в люди было возможно только там, где больше ценились личные качества: при дворе господина или правителя — структуре политической и более подвижной[27]. Сеньоры нуждались в храбрых, предприимчивых и верных людях, тем более выходцах из ку-

[23] «...lekötik in dem lannde ze Ungern vágy bárhol másutt levő minden ingó és ingatlan vagyonukat».

[24] Долговая расписка Эберхарда Виндеке и его жены Элшпет, данная 17 апреля 1414 г. вышеупомянутому Йоригу Кунцельману. Регеста опубл. в: Zsigmondkori oklevéltár / Összeállította Mályusz E. es Borsa I. 4. köt. Budapest, 1997. № 463. Цитата: «...lekötik mindenüket, légyen az ló, ökör, vágy bármi más».

[25] О нём см. статью Р. Скорки: *Skorka R.* Pozostalost Joriga Kuntzelmana — alébo náhodný subeh udalosti v Bratislave v 15. storocí // Stredoveké mesto ako miesto strenutí a komunikacie / Pod red. Jana Lukački a Martina Stefanika. Bratislava, 2010. S. 109–115.

[26] Ганс Буер, городской судья Пресбурга, сообщает по запросу Петера цум Юнгена о беспорядках, некогда поднятых в Пресбурге Эберхардом Виндеке совместно с Ульрихом Раухенвартером. Опубл. в: Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893. S. 480–482.

[27] Здесь применима концепция «долгой протяженности» Фернана Броделя (la longue durée): политические, социальные и экономические процессы совершаются с разной скоростью. В связи с этим двор как структура более политическая, чем социальная, обладает большей «подвижностью», чем городская корпорация (за исключением городов-государств), в том числе при нём наблюдается более интенсивная сменяемость состава.

печеской среды, которым можно было давать финансовые поручения. Потерпевший фиаско в Пресбурге и лишенный средств к существованию Виндеке отправляется ко двору Сигизмунда Люксембургского, короля Венгрии и германского короля [VIII, § 16, S. 11].

Службой[28] Эберхарда, которая известна в большей части по замечаниям самого Виндеке, сделанным в «Книге», стало выполнение низших обязанностей не только при дворе правителя, но и иных господ. Узнав в 1415 г., что король прибыл в Констанц для организации вселенского собора, Виндеке прибыл туда [LXX, § 64, S. 59]. Сигизмунд, нуждавшийся в деньгах, отправил его к городским корпорациям Майнца, Вормса и Шпейера с предложением взять в залог некоторые имперские лены[29] [LXXXV, § 98, S. 86]. В следующем году Сигизмунд отправился в Англию для переговоров с Генрихом V. Эберхард вновь сопровождал его, выполняя сходные обязанности: просил для него деньги в долг у жителей Женевы [LXXI, § 71, S. 64] и от его имени закладывал и выкупал подаренные Генрихом драгоценности [LXXIX, § 91, S. 80; LXXX, § 93, S. 81–82]. В 1420 г. Виндеке сопровождал короля в первом крестовом походе против гуситов [CLX, § 169, S. 144]. Давать советы королю не относилось к его правам/обязанностям. Тем не менее, будучи спрошен Его Величеством, он выразил свое мнение по поводу файды между герцогом Гейдельбергским и маркграфом Баденским [CCXVI, § 229, S. 194]. Известно также, что некоторое время он исполнял поручения влиятельных имперских курфюрстов — Фридриха Бранденбургского и Конрада Майнцского[30]. Не сохранилось свидетельств того, что Эберхард занимал какую-либо придворную должность. Судя по тому, как он обозначен в королевских пожалованиях — «наш слуга и любимый верный человек»[31] — он относился к числу фамилиариев короля[32]. Личная зависимость

[28] Подробнее см.: *Наумов Н.Н.* Эберхард Виндеке как социальное явление (эл. ресурс) // Ломоносов: Материалы XXII Международного молодежного научного форума. Москва, МГУ им. Ломоносова, 13–17 апреля 2015 г. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7085/uid65340_report.pdf (дата обращения: 15.02.2016).

[29] Оппенхайм, Кайзерслаутерн, Одернхайм (*совр.* Одернхайм-на-Глане), Винтернхайм (*совр.* Кляйн-Винтернхайм) и Ингельхайм (*совр.* Ингельхайм-на-Рейне).

[30] Фридрих Бранденбургский в 1414 г. назначил его мюльмейстером — начальником мельницы в Берлине [IX, § 17, S. 12], Конрад Майнцский в начале 1420-х гг. дал ему поручение добиться того, чтобы Сигизмунд сохранил за его родственником Арнольдом из Экмунда герцогство Гельдерн [CXCII, § 194, S. 170].

[31] Пожалование (feuda) Эберхарду Виндеке луга у Гинсхайма; уступка (consensus) Эберхарду части ренты с таможни в Майнце. Опубл. в: Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893. S. 473–475. Цитата: «...unser diener und lieber getruer».

[32] На приведенной цитате нельзя строить предположения о степени близости Виндеке к государю. Обращение lieber getruer (‘любезный верный’) является устойчивым формальным выражением, употребляется повсюду в актах и письмах средневековья и начала Нового времени в отношении любого ранга служащего (т.е. связанного с господином присягой, дававшейся при принятии на службу). Формула происходит из языка ленных

от короля «бедного челядина»[33] — так уничижительно Виндеке называет сам себя в тексте [CXCII, § 195, S. 171] — вызывала сомнения в политической беспристрастности автора «Книги».

В непосредственном сопутствии Сигизмунду Виндеке провел значительную часть своей жизни (1414–1425 гг.), периодически появляясь при его дворе и в дальнейшем. В 1425 г. король вознаградил его верность пожалованием части ренты с таможни в Майнце, за что Эберхард в «Книге» не раз благодарит Сигизмунда. Неудивительно, что в 1437 г. в возрасте около 60 лет Виндеке — глубокий старик по тогдашним меркам — обращаясь к неким молодым людям, приводит себя в пример и желает внушить им идеал верной службы господам: «И служи я дольше при моём милостивом сеньоре, господине Сигизмунде, римском императоре, я помогал бы впредь моим друзьям, будь то по духовным или светским делам; ниже в рассказе вы обнаружите, как обо мне позаботился мой милостивый господин своей буллой о майнцской таможне»[34] [I, § 2, S. 2]. Он видит в этом редкую возможность для бюргера выбиться в люди, приобретя доход, надел или даже рыцарский статус. Виндеке не сумел достичь последнего и с завистью пишет о тех незнатных, кого Сигизмунд возвел до высших достоинств: Пипо Шпано[35] — по Виндеке, сын флорентийского сапожника — был «сделан господином» в Венгрии [CXXII, § 142, S. 120], Каспар Шлик — «сын бюргера в Немецких землях» — стал по милости правителя «имперским бароном и римским канцлером» [CCCXL, § 410, S. 379]. Ближайшие потомки современника и личного врага Эберхарда — Петера цум Юнгена, майнцского патриция и прежнего владельца ренты с городской таможни — приобрели дворянство при Фридрихе III. Видно, что наиболее инициативные представители немецкого бюргерства, в том числе Эберхард Виндеке составляли, по выражению Петера Морава, «группу потенциальных приближенных короля»[36] — один из немногих инструментов прямого осуществления его власти.

Отношение к Сигизмунду и мера достоверности. Прямым следствием включенности Эберхарда в пространство власти является его пристрастность.

актов, латинский эквивалент: fidelis dilectus noster (*Прим. ред. «Петербургского исторического журнала»*).

33 «...armer geselle».

34 «...und solte ich lenger bi mime gnedigen herren her Sigmunt Romschen keiser sin gewesen, ich solte minen frunden fürbasser geholfen haben, es were in geistlichen oder weltlichen sachen; also ir wol hernoch vindent in einer legende, wie min gnediger herre mich versorget mit siner bulle uf dem zolle zu Menz».

35 Филиппо Сколари, выходец из Флоренции, ставший бароном Венгерского королевства. Прозвище «Шпан» происходит от венгерского титула «ишпан». Сколари занимал должности ишпана соляной казны (1401–1426) и ишпана Темеша, Арада, Чанада и других комитатов (1404–1426). Подробнее: *Wenzel G.* Ozorai Pipo. Magyar történelmi jellemrajz Zsigmond király korából. Pest, 1863.

36 *Moraw P.* Personenforschung und deutsches Königtum // Zeitschrift für historische Forschung. Jg. 2. 1975. S. 13–14.

«Бедный челядин», обязанный своим успехом милости правителя, не внушал доверия О. Лоренцу, полагавшему, что Эберхард, близкий к Сигизмунду и канцлеру Каспару Шлику, «сделал всё, чтобы скрыть правду»[37], т.е. намеренно изображал своего патрона в лучшем свете, чем «это было на самом деле». Действительно, Виндеке не раз восхищается своим господином, благодарит и даже молится за него. Однако в «Книге» встречаются и сцены, где Сигизмунд — если оценивать его с современной точки зрения — поступает жестоко: гневается, приказывает искалечить [XXVII, § 42, S. 25] или прибегает к хитрости [LIX, § 63, S. 54]. Надо учитывать, что в глазах Виндеке подобные поступки, видимо, не были чем-то зазорным; возможно, он даже видел в них проявление силы и непредсказуемости королевской власти, действующей в своем полном праве. Он именует такую власть средневерхненемецким термином gewalt, близким по значению к лат. auctoritas, и означающим «полноту власти, преодолевающую любое сопротивление»[38].

Однако и такого властелина, как Сигизмунд, Виндеке иногда осмеливается упрекнуть. Виндеке ставил королю и его советникам в вину «упущения» (sumnisse) в борьбе с гуситами, из-за которых те захватили Куттенбург (Кутну Гору. — *Н. Н.*) и другие города и замки, «разрушили их и убили несчетное множество христиан»[39] [CXVIII, § 139, S. 117–118]. Виндеке жил в эпоху, когда традиционные устои мира пошатнулись: католический мир был расколот Великой Схизмой, чешские подданные предались гуситской ереси и восстали против Сигизмунда — своего «естественного господина»[40] [CVI, § 134, S. 114], по выражению автора; имперские князья конфликтовали друг с другом. Эти три темы Эберхард воспринимал очень остро. Последствием двоепапства при Бонифации IX и Бенедикте XIII он называет «разброд, войну, пожар и ужасные ереси» [IV, § 7, S. 5]; гуситы, по его мнению, «причинили столько боли и страданий немецкому христианскому народу (в данном случае имеются в виду немцы, проживавшие в Чешском королевстве. — *Н. Н.*), что было бы неудивительно, чтобы тот разуверился в божьей милости и больше не верил ни слову из уст чеха или морава»[41] [CXXII, § 143, S. 120]. На этом фоне Виндеке наблюдает и раскол внутри имперской правящей элиты, между Сигизмундом и князьями, не желавшими прибыть к нему на совет [CVI, § 122, S. 105]. Потребность в единстве воспринималась Эберхардом тем острее, что Сигизмунд терпел неудачи в войне, и иногда прорывалась наружу в виде упреков правителю, чаще — в жалобах на князей, будто бы не желающих содействовать общему делу.

[37] *Lorenz O.* Op. cit. Bd. 2. S. 294.

[38] *Grimm J. W.* Deutsches Wörterbuch. Bd. 12. Leipzig, 1854–1961. Sp. 4939.

[39] «...und verderbeten und doteten die ketzer und die Hussen der fromen Cristen unseglichen vil».

[40] «...irem natürlichen herren».

[41] «...und stalten also grosses jomer und leit do an dem Dutschen cristlichen volg, das nit wonder were, das das volg an got verzaget were und daz man keinen Behemschen oder Merherschen zungen niemer mere hoult wurde».

Данный ознакомительный пассаж, посвященный жизни и мировоззрению Виндеке, сколь бы кратким он ни был, позволяет сделать следующие выводы. Автор был человеком деятельным, в том числе участником двух городских конфликтов того времени. Его сведения о внутренней борьбе в Майнце следует воспринимать скорее как пристрастное мнение одной из сторон, чем как свидетельство отстраненного очевидца. Происходя из семьи, не относившейся к элите общегосударственного масштаба, и располагая низким придворным статусом, он смотрел на двор и политическую действительность будто бы снизу, а не изнутри. Это означает, что принятие политических решений и действительный смысл предпринимаемых шагов, равно как понимание элементов политического церемониала могли от него ускользать. К своему благодетелю — Сигизмунду — он определенно оставался неравнодушен. Тем не менее, в его эмоциональных реакциях присутствует подобие внутренней логики, требующей от ответственных лиц — правителя и князей — стремления к разрешению тогдашних общехристианских, а также общеимперских вызовов. Невозможно утверждать, что двор правителя, предпринявшего пять походов против мятежных гуситов, не ощущал атмосферы кризиса и необходимости перемен. Несмотря на сложности, обусловленные чертами Виндеке как автора, именно благодаря ему мы можем понять глубинную суть политических процессов, происходивших в державе этого короля и императора.

Проблема жанра

Обратимся теперь к самому произведению Эберхарда Виндеке. «Книга императора Сигизмунда» вызвала у своих исследователей ряд затруднений: до сих пор неясна мера близости сохранившихся рукописей к утраченному оригиналу, дискусионны мотивы написания, не определены личности возможных заказчиков. Даже на вопрос, в каком жанре исполнено это произведение, К. фон Фихард, В. Альтманн и современный исследователь П. Йоханек отвечают по-разному, подчеркивая одни и затушевывая другие его стороны[42]. Более того, неизвестно, как сам Виндеке озаглавил свой труд и озаглавил ли вообще. Первые листы существующих рукописей XV–XVI вв., предшествующие оглавлению, либо не сохранились[43], либо имеют названия, внесенные

[42] Фихард видел в источнике одну из семейных хроник того времени, Альтманн — всемирную хронику, Йоханек — биографию Сигизмунда. *Fichard J. C. von.* Eberhard Windeck, der Biograph König Siegmunds // Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Literatur und Geschichte. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1815. S. 324; *Altmann W.* Einleitung // Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893. S. VII–VIII; *Johanek P.* Eberhard Windecke und Kaiser Sigmund // Sigismund von Luxemburg. Ein Kaiser in Europa / Hrsg. von M. Pauly und F. Reinert. Mainz am Rhein, 2006. S. 145.

[43] Ганноверскую рукопись (H) из Библиотеки земли Нижняя Саксония А. Висс и А. Райффершайд называют списком с оригинала, однако небрежным, сделанным в начале XVI в.

в XVI в. рукой библиотекаря[44]. Поэтому установление жанровой принадлежности «Книги императора Сигизмунда» остается актуальной задачей; необходимо также прояснить, почему устоялось именно такое название и что за ним скрывается.

Само словосочетание «das keiser Sigesmundus-büch», употребленное в конце источника («Здесь кончается книга императора Сигизмунда» [CCCLXIX, § 463, S. 449]) наталкивает на мысль, что «Книга» имеет жанр биографии. В пользу этого говорят и обстоятельства ее написания, которые Эберхард обозначил в начале: там сказано, что Виндеке «по большой просьбе со стороны князей и господ»[45] продиктовал своему слуге Генриху из Нюрнберга «дословно всё, что совершил наш господин император Сигизмунд за свою жизнь своими разумными деяниями и речами»[46] [I, § 1, S. 1]. Таким образом, автор получил, говоря нынешними словами, политический заказ на создание биографии только что почившего в 1437 г. императора.

Какого рода биографию составил Эберхард? Архивисты и эрудиты XVI–XVIII вв., интересовавшиеся этим трудом, обозначали его по-латыни как Vita Sigismundi imperatoris, т.е. видели в «Книге» жизнеописание императора Сигизмунда[47]. Вполне вероятно, что употребленные во вступлении слова «жизнь», «деяния» и «речи» побудили их, знакомых с античностью, видеть в Виндеке подражателя Светонию, обратившегося к жанру римской классической vita, возродившейся в эпоху Ренессанса. Иоганн Буркхард Менке, первый публикатор Виндеке, убежден в достоверности и непредвзятости Эберхарда, «посколь-

Г. Хэртель, составивший ее описание, не привел никакого заглавия, указав, что отсутствуют первые шесть листов. *Härtel H.* Handschriften der Nieder-sächsischen Landesbibliothek Hannover / Beschreibungen von H. Härtel und F. Ekowski. Wiesbaden, 1982. S. 215.

[44] Рукопись № 2913 из Австрийской национальной библиотеки, известная как вторая венская рукопись (V2), была составлена в 1456 г. Согласно описанию Менхардта, имеет латинскую помету XVI в., сделанную рукой Блозия — Луи де Блуа (1506–1566), аббата Эно: Vita Sigismundi Rom. Imperatoris. На защитном листе — немецкая помета, также XVI в.: Keiser Szigmonds Puech. *Menhardt H.* Verzeichnis der altdeutschen literarischen Handschriften der österreichischen Nationalbibliothek. Bd. 1. Berlin, 1960. S. 615.

[45] «...von grosser bete von fursten und herren».

[46] «...alles, das unser herre der keiser Sigmondus mit sime libe und mit sinen vernünftlichen werken und worten... vollebrocht hett».

[47] К такому обозначению прибегли, по моим сведениям, четыре тогдашних ученых мужа: Луи де Блуа (Блозий), бенедиктинец, аббат Эно, Германн фон дер Хардт, издатель «Дел Констанцского собора», Готфрид Лейбниц, находившийся в переписке с Хардтом, и Иоганн Буркхардт Менке, первый издатель Виндеке. *Menhardt H.* Op. cit. S. 615–616; *Hardt, H. von der.* Eberhardi Windeck, Caesaris Sigismundi ministri perchari, vita et historia Imperatoris Sigismundi // Rerum universalis concilii Constantiensis tomus 5. De praeclaro apparatu et incorporabili pompa magni hujus concilii. Frankofurti et Lipsiae, 1699; *Leibnitz G. W.* Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 12. Berlin, 1989. № 166. S. 237; Eberhardi Windeckii Mogunt. Historia vitae Imp. Sigismundi vernacula // Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxonicarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. Col. 1073–1288.

ку тот описал то, при чём сам присутствовал»[48]. Однако «Книга» лишена того оценочного подхода, который принимает у Светония, Тацита и гуманистов форму внешней беспристрастности. Эберхард — человек, зависимый от Сигизмунда, его «бедный челядин». Естественно, что он пристрастен к своему патрону, не имеет никакого желания это скрывать и ни за что бы не дерзнул судить своего господина. Наоборот, он стремится воспеть его.

Причины субъективности источника можно увидеть не только в характере и судьбе автора, уже известных читателю, но и в обстоятельствах написания: как сообщает сам Эберхард в начале «Книги», он написал свой труд «по большой просьбе со стороны князей и господ»[49] [I, § 1, S. 1]. Скорее всего, эти «князья и господа» обратились к Виндеке с просьбой уже после смерти Сигизмунда в 1437 г. Этот государь правил очень долго: 50 лет в Венгрии, 26 — в Империи, 17 — в Чехии. Вполне можно предположить, что его смерть в 1437 г. повлекла за собой резкое и неожиданное изменение привычной жизни его окружения. Голос Виндеке, создавшего памятник этому королю, исходит от лица любящих этого правителя людей: дела Сигизмунда (избавление христиан от Схизмы, Чехии — от еретиков-гуситов, защита Венгрии от турок) определенно вызывали тогда у многих восхищение, вопреки стереотипу, сложившемуся впоследствии в национальных историографиях. Эберхард желал написать именно такого рода «книгу», земной дом короля, а не классическую vita, в которой может встречаться одобрение, но никак не преклонение и любовь. Эней Сильвий Пикколомини, итальянский гуманист и будущий папа Пий II, составил подобную посмертную «Vita Sigismundi imperatoris»[50] — произведение с выверенной светониевой структурой, в котором препарированы все физические и духовные особенности почившего цезаря, но отсутствует хоть какое-либо пожелание ему мирного упокоения. Виндеке же, пусть не умеет сложить что-либо на латыни, но местами, в том числе и во вступлении, прибавляет «dem got gnedig sey» — «помилуй его Бог».

Однако жанр «Книги» не исчерпывается чертами биографии. Стоит заметить, что полная фраза, в которой Виндеке определил свой труд, звучит так: «Здесь кончается книга императора Сигизмунда и то, что отчасти произошло в его время»[51] [CCCLXIX, § 463, S. 449]. Примерно две трети «Книги» повествуют о Сигизмунде и об истории управлявшихся им государств, образуя некоторое единство; но в оставшейся трети говорится о вещах самого разного

[48] *Mencke J. B.* Praefatio // Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxonicarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. s.p.

[49] «...von grosser bete von fursten und herren».

[50] Aeneae Sylvii vita Sigismundi imperatoris // Palacký F. Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837 zur Aufsuchung von Quellen der böhmischen und mährischen Geschichte. Prag, 1838. S. 109–114.

[51] «Nü hatte das keiser Sigesmundus-büch und was bi sinem leben eines teils gescheen ist ein ende».

рода, не вполне вписывающихся в законченное произведение. Ориентировочно их можно разделить на три группы: 1) описания событий Столетней войны, а также история Жанны д'Арк, занимающая 15 страниц в издании Альтманна [CCLIX, § 295, S. 245 — CCLXII, § 310, S. 260]; 2) тексты религиозного характера: отрывок из некоего жизнеописания Св. Иеронима, пророчества Св. Хильдегарды, жившей в XII в., современного Эберхарду священника Зигевалла [CCCXV, § 390, S. 350 — CCCXXVII, § 393, S. 361]; 3) рассказы о мелких происшествиях, которые сам автор видел или слышал[52]. Надо подчеркнуть, что повествование в «Книге» крайне неструктурировано: есть примеры, когда не только отдельные капитулы никак не связаны друг с другом в отношении своего предмета, но и внутри некоторых из них иногда одна тема резко сменяется другой.

Йозеф Ашбах и Вильгельм Альтманн, одни из первых исследователей Виндеке, точно определили весь труд как «Denkwürdigkeiten» ('достопамятные события'); Альтманн же, указав также на отрывочность и всеевропейский охват повествования, усмотрел близость «Книги» к средневековым всемирным хроникам[53]. Сейчас против этой дефиниции активно возражает Петер Йоханек, который считает, что это изобретенное учеными слово подменяет обозначение, данное самим автором («Книга императора Сигизмунда»)[54]. На мой взгляд, Виндеке действительно замыслил создать биографию, но в итоге создал нечто среднее между биографическим и общеисторическим произведением: он был не ученым мужем, способным сконцентрироваться на предмете своего повествования, а стариком-обывателем, которого обуревало желание поведать другим обо всём, что он узнал за свою жизнь и что счел достопамятным.

Кроме того, в «Книге» говорится также и о жизни самого автора. Причем Эберхард не просто ограничился тем, что представился читателю; он анализирует свою судьбу, благодарит Сигизмунда, который наделил его «значительным наследственным кормлением»[55] (частью ренты с таможни в Майнце) [CCXXII, § 237, S. 199], и не раз высказывает свое мнение о том, что происходило и происходит, что резко контрастирует со смиренной анонимностью средневековых хронистов. Не только Сигизмунд, но и сам автор вписан в контекст времени. Пока затруднительно сказать, какого рода автобиографию представляет «Книга», сомнительно, что ее можно отнести к числу ренессансных, как утверждает

[52] Для примера приведу рубрики некоторых капитулов — «Здесь в Дюнкирхене, находящемся во Фландрии, был выловлен кит, давший 120 тонн жира» [XCI, S. 89] (далее говорится, что автор самолично его измерил), или же «Как некто по имени Хенне фон Дуннен направился к епископу Майнцскому, поехал через болото и утонул вместе с лошадью» [CCXXV, S. 203].

[53] *Aschbach J.* Geschichte Kaiser Sigmunds. Bd. 4. Hamburg, 1845. S. 453; *Altmann W.* Einleitung // Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893. S. VII.

[54] *Johanek P.* Eberhard Windecke und Kaiser Sigismund // Sigismund von Luxemburg. Ein Kaiser in Europa / Hrsg. von M. Pauly und F. Reinert. Mainz am Rhein, 2006. S. 145.

[55] «...grosser erberer narung».

Р. Скорка[56]. К культуре Ренессанса ее приближает то, что Виндеке, как и, к примеру, Джованни Конверсини, стремится навязать читателю свой образец, убедить в своей добродетельности и правдолюбии. Эберхард нередко напрямую поучает, например, во вступлении: «И я, Эберхарт Виндеке, по приказанию моего милостивого господина Сигизмунда, римского императора, присутствовал при описанных ниже событиях и видел много чудных вещей. Я бы хотел, чтобы всякий проделал такой же путь в чужих странах, каковой проделал я: тогда, вероятно, больше поверят тому, что я написал о его (Сигизмунда. — *Н.Н.*) речах и деяниях»[57] [I, § 2, S. 2]. Но в то время как простолюдин-Виндеке похваляется напрямую, ренессансные автобиографы прибегают к разного рода намекам и иносказанию, чтобы понравиться читателю. Несходство видно также в том, что искреннее желание восхвалить своего патрона в авторе столь же сильно, как и пристрастие навязывать свою точку зрения и свой образец поведения: при всем этом нельзя отказать Эберхарду в скромности, доходящей до самоуничижения, когда тот восхваляет щедрость Сигизмунда.

Итак, «Книга» совмещает три жанра и может быть охарактеризована как биография с чертами автобиографии и всемирной хроники. Примечательно, что в общеисторическом плане этот источник стоит на перепутье между Средними веками и Новым временем: в нём представлены как черты, свойственные средневековым всемирным хроникам (отрывочное общеисторическое изложение), так и те, которые в Центральной Европе получат свое развитие только в эпоху раннего Нового времени (жанр воспоминаний и дневников, в которых автор открыто выражает собственное мнение и не стесняется говорить о себе). Далее будет рассмотрен процесс написания «Книги», что поможет охарактеризовать ее устный характер — конкретную причину ее жанровой дисперсии и фрагментарности.

Как создавалась «Книга»? Сложность жанра обусловлена не только особенностями характера и жизненного пути самого автора, но и тем, каким образом составлялось это произведение. Уже Менке заметил во вступлении оборот[58], свидетельствующий, что автор «писал не своей рукой» (han lossen schriben) — Виндеке диктовал своему слуге, Генриху Нюрнбергскому [I, § 1, S. 1], всё, что «смог удержать в памяти»[59] [CCCLVII, § 440, S. 413–414]. При прочтении всего текста бросается в глаза, что повествование временами нестройно, местами

[56] *Skorka R.* Egy középkori emlékirat kutatási lehetőségei // Diszciplínák határain innen és túl. Szerk. Balogh M. Budapest, 2007. S. 455.

[57] «...und bin ich ouch Eberhart Windecke bi disen geschichten, was harnoch geschriben stot, gewesen von geheiß mins gnedigen herren Sigmundus des Romschen keisers und habe ouch manig wünderlich ding gesehen, das ich wölte, das alle menglich solten einen solchen weg und strossen faren in fromden landen, als ich geton habe: so möchte man mir deste baß glouben, was ich von disen worten und werken geschriben han»

[58] *Mencke J.B.* Praefatio // Scriptores rerum germanicarum, praecipue Saxonicarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. s.p.

[59] «...gedechtlichen gehalten hab».

противоречиво и неточно. Нестройна организация отдельных капитулов — например, в гл. 247 рассказ о конфликте между ландграфом Гессенским и архиепископом Майнцским неожиданно прерывается фразой: «...всё же пусть мне Всемогущий Господь даст это, и позволит насладиться этим и даст еще многое»[60] [CCXLVII, § 279, S. 233]. Гораздо ярче устный характер книги Виндеке виден в постоянных повторениях: чуть ли не каждую главу сопровождают конструкции «как ты уже прочел в книге прежде» или «как ты еще узнаешь из книги далее», после которых идет описание или упоминание тех или иных событий. Повторяются также мнения, принадлежащие самому Эберхарду, причем часто они различаются. Например, вину духовного сословия в бедах своего времени Виндеке представляет в соседних главах в тонах, довольно сильно разнящихся: «Вот так вело себя духовенство у христиан: всюду было слышно про зло и войну, и кто всё это учинял? Епископ, пробст, преподобный декан, священник. <...> такой срам покрыл чуть ли не всю землю»[61] [CCLIII, § 287, S. 238–239]; «Зло терзало Немецкие и прочие земли, помилуй Господь Небесный. И оно появилось большей частью из-за духовных князей, поскольку они не занимались духовными делами, были слишком жадными и считали себя правыми во всём, было ли это так в действительности, или не было»[62] [CCLIV, § 289, S. 241–242]. В первой фразе видно радикальное осуждение («всюду», «кто всё это учинял?», «срам»), во второй мягкость оговорок («большей частью», «поскольку», «было ли это так в действительности»). Как мне представляется, Виндеке после своей первой речи почувствовал, что произнес чересчур жесткое обвинение и предпочел смягчить тон во время второй. Повторяемость и переосмысление некоторых событий и оценок характерны для текста, озвученного и записанного. В одной из рукописей сохранилось соответствующее замечание ее переписчика: «Тогда эта книга была составлена устно и письменно»[63]. Таким образом, этот труд вполне может быть отнесен к разряду устных рассказов.

Назидательный характер повествования. Декламирующий человек обыкновенно стремится произвести впечатление на слушателя: собственно, задачей такой дисциплины, как античная риторика, и было обучить политическую эли-

[60] «...doch welle mir der almechtige got das verlihen und mich ouch das lossen geleben und maniges me».

[61] «...also stunde es in der cristenheit mit der pfaffheit: wo man etwas böses horte oder krieg, wer düt das? der bischof, der dumprobst der herlich dechen der pfaff».

[62] «...also ubel und böse stunt es in Dútschen und ouch andern landen, es möchte wol got in dem himelrich herbarmet han. und das entstunde daz meiste teil alles von den geistlichen fursten, wanne sie hetten kein geistliches wesen an in und worent zü gritig und wollent allwegen recht han, es were oder were nit».

[63] Eberhardi Windeckii Mogunt. Historia vitae Imp. Sigismundi vernacula // Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxonicarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. Col. 1176. Скорее всего, это рукопись из Готы (G), легшая в основу публикации Менке. Цитата: «...do diz buch zusammen gelesen wart und geschriben».

ту античных городов-государств добиваться принятия своих проектов на народных собраниях и отстаивать свои права в суде. Если между Цицероном и Виндеке было какое-либо сходство, то оно заключалось в умении словом убеждать людей. Эберхард практиковался в этом, с разным успехом провоцируя общины городов Пресбург и Майнц на свержение патрицианских советов, убеждая купцов и кредиторов в своей добропорядочности; по собственному замечанию, единожды он даже осмелился спорить с Сигизмундом и переубедил его, хоть и был обруган.

Во время создания книги (1437–1440) Эберхард был уже немолод — по его собственному замечанию, в 1437 г. ему было 55 лет. Очевидно, к старости у него возникло желание преподать урок молодому поколению. Виндеке же не только приобрел за прожитое время житейскую мудрость, но и повидал, по его собственным словам, «множество удивительных вещей»[64] и пожелал изложить их в книге. Во вступлении он даже высказывает опасение, что «в кое-что здесь, может показаться, невозможно поверить»[65]. Встречаются фразы, которые демонстрируют, что ему не терпится рассказать про все эти «вещи» и крайне хочется, чтобы слушатель/читатель поверил в то, что написано (например: «...мне думается вот так; если же я думаю неверно, то пусть Господь меня простит, я же умру, думая так»[66] [CCCVII, § 372, S. 341]; «...я верю всем сердцем, что такое Господь более не оставит безнаказанным»[67] [CCCXIV, § 389, S. 350]). Интересно, что иногда Виндеке говорит «ты должен слушать» / «ты услышишь» вместо «ты прочтешь»: тогда он словно рассказывает историю, а не диктует текст. Вполне вероятно, что свою книгу Виндеке предназначал для прочтения вслух. Как Виндеке в присутствии писца, Генриха Нюрнбергского, «составлял устно» свой труд из воспоминаний, точно так же он мог рассказывать некоторые случаи, стоившие того, чтобы их «услышать и отметить» перед большим скоплением народа[68], и воспринимал себя при этом как оратора-наставника.

***

Какие вопросы историк может задать этому источнику, имеющему столь необычную природу и сложное происхождение? На какие ответы он может рассчитывать? Датировать события на его основе, черпать из него фактическую информацию практически невозможно: ученые жаловались, что автор не следил

[64] «...manig wünderlich ding».

[65] «...das ettelich stück sin ungloublichen».

[66] «...also mich beduchte; duchte mich aber unrecht, so verzihe es mir got, doch sturbe ich in dem glouben».

[67] «...und ich glaub ganz in mim herz, daz iz der almechtig got nimer ungestrafet laß».

[68] Определенно не всё написанное в «Книге» подлежало огласке: в тексте встречается критика духовенства и майнцского совета, которую Виндеке не мог беспрепятственно озвучить; остальное же, особенно проповеди добродетельной жизни, вполне могли встретить одобрение во всём городе.

за порядком и правильностью хронологии (Ашбах, Лоренц), и высказывали подозрение, что спорно существование некоторых из описанных им «вещей» (Альтманн). Даже реконструкция его биографии была бы связана с большими трудностями, если бы не существовало документов, позволяющих говорить о перипетиях его жизни с относительной уверенностью. Ценность этого источника в другом: в нём отчетливо чувствуется личность автора, неординарная, не вписывающаяся в господствующее представление о средневековых людях как о безмолвствующем большинстве. Автор и его труд в этом отношении — явление новой эпохи, и «Книга» дает нам взгляд живого человека на Сигизмунда Люксембургского, очевидца и участника жизни при его дворе, позволяет рассматривать этот институт как политический и культурный феномен.

Предпринятое источниковедческое исследование показало, что было бы заблуждением видеть в характере автора и его труде влияние Ренессанса. Виндеке излагает свои мысли с лаконичной косноязычностью, местами искренне скромен или простодушно горд, воля Господа имеет для него ключевое влияние на исход событий. Но в нём, немецком бюргере и королевском слуге, виден тот индивидуализм купца и придворного, который близок к образу мыслей итальянского купца XIV в. Марко Датини из Прато. «Человек — опасная штука, но я больше полагаюсь на людей этого мира, чем на Бога, и этот мир хорошо платит мне за это»[69], — говорит Марко; «...всякий юноша не должен прозябать в своей стране: он должен искать своей службой господ (как делал я Эберхарт Виндек), и вот тогда все единодушно отдадут ему честь и хвалу и он сможет добыть высокое место и почет как себе самому, так и всем своим ближним, как добыл я для всех моих»[70] [I, § 2, S. 2], — вторит ему Виндеке, который в итоге стал состоятелен и имел собственных слуг, которым диктовал свой труд. В обоих высказываниях проглядывает самоуважение и целеустремленность, а также принцип действия «На Бога надейся, а сам не плошай». Корень этого можно видеть в превращении городских занятий (особенно в Италии, в меньшей степени в Германии) в самостоятельные и жизнеспособные отрасли, становлении предпринимательства в прямом смысле слова. Однако этим сходство исчерпывается: у Датини невозможно найти то гнетущее ощущение церковного и политического кризиса, мистическое восприятие Добра и Зла, какое есть у Эберхарда Виндеке — свидетеля Великой Схизмы, мятежа чешских подданных против его покровителя, ссор и распрей внутри Империи. Эти двое предприимчивых людей оказались в совершенно разных исторических условиях и культурных кругах. Тем не менее,

[69] Цит. по: *Рутенбург В.И.* Италия и Европа накануне раннего Нового времени. М., 1974. С. 201.

[70] «...ouch sol ein ieglich man, der jung ist nit verliben in sinem lande: er sol die herren sůchen mit sinem dienste (also ich Eberhart Windecke geton han), so würt im doch sin ere und lob gepriset von aller gemenlich, und mag er im selber und allen den sinen fürbaß gehelfen zu eren und fromen, also ich ouch allen den minen geton habe».

в каждом из них, хоть и в разной степени, можно различить ростки человека новой эпохи, в суждениях и действиях которого постепенно утверждается рациональное мышление.

References

Aeneae Sylvii vita Sigismundi imperatoris // Palacký F. Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837 zur Aufsuchung von Quellen der böhmischen und mährischen Geschichte. Prag, 1838. S. 109–114.

Aschbach J. Geschichte Kaiser Sigmunds. Bd. 4. Hamburg, 1845.

Boitsov M. Velichie i smirenie. Ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoj Evrope. M., 2009.

Brix Cr. Die politischen Konflikten in der Heimatstadt Johannes Gutenbergs, 1411–1444: Überlegungen zu den Patreien und ihren Zielen // Gutenberg-Jahrbuch. Hrsg. von St. Füssel. Jg. 85. Mainz, 2010. S. 95–111.

Eberhardi Windeckii Mogunt. Historia vitae Imp. Sigismundi vernacula // Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxonicarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. Col. 1073–1288.

Eberhard Windecke emlékirata Zsigmond királyról és koráról / Fordította, sájtó alá rendezte és a bevezető tanulmányt írta Skorka Renáta. Budapest, 2008.

Eberhard Windeckes Denwürdigkeiten zum Zeitalter Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893.

Fichard J. C. von. Eberhard Windeck, der Biograph König Siegmunds // Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Literatur und Geschichte. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1815. S. 324–381.

Grimm J. W. Deutsches Wörterbuch. Bd. 12. Leipzig, 1854–1961.

Hardt H. von der. Eberhardi Windeck, Caesaris Sigismundi ministri perchari, vita et historia Imperatoris Sigismundi // Rerum universalis concilii Constantiensis tomus 5. De praeclaro apparatu et incorporabili pompa magni hujus concilii. Frankofurti et Lipsiae, 1699. P. 6–7.

Härtel H. Handschriften der Nieder-sächsischen Landesbibliothek Hannover / Beschreibungen von H. Härtel und F. Ekowski. Wiesbaden, 1982.

Ioannis G. Chr. De patriciorum veterum Moguntinensium familis, discrimine, juribus, contentionibus, fatis Commentariolum // Scriptorum historiae Moguntinensi cum maxime inservientium T. 9. Cum indicibus locupletissimis curante G. Chr. Ioannis. Francofurti-ad-Moenum, 1727. P. 449–464.

Johanek P. Eberhard Windecke und Kaiser Sigmund // Sigismund von Luxemburg. Ein Kaiser in Europa / Hrsg. von M. Pauly und F. Reinert. Mainz am Rhein, 2006. S. 143–155.

Kern Th. von. Eberhard Windek, der Geschichtsschreiber König Sigismunds // Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte. Neue Folge [2. Serie]. Jg. 4. 1875. S. 349–362.

Leibnitz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 12. Berlin, 1989.

Lorenz O. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des 13. Jhs. Bd. 2. Berlin, 1888.

Menhardt H. Verzeichnis der altdeutschen literarischen Handschriften der österreichischen Nationalbibliothek. Bd. 1. Berlin, 1960.

Moraw P. Personenforschung und deutsches Königtum // Zeitschrift für historische Forschung. Jg. 2. 1975. S. 7–16.

Naumov N. N. Eberhard Windecke kak sotsial'noe iavlenie // Lomonosov: Materialy XXII Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma. Moskva, MGU im. Lomonosova, 13–17 aprel'a 2015 goda (elektronnyi resurs). URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7085/uid65340_report.pdf (data obrashchenia: 15.02.2016).

Rutenburg V. Italia i Evropa nakanune rannego Novogo vremeni. M., 1974.

Schneider J. Das illustrierte «Buch von Kaiser Sigmund» des Eberhard Windeck // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Jg. 61. 2005. S. 169–180.

Skorka R. Egy középkori emlékirat kutatási lehetőségei // Diszciplínák határain innen és túl. Szerk. Balogh M. Budapest, 2007. 447–462. old.

Skorka R. Pozostalost Joriga Kuntzelmana — alébo náhodný subeh udalosti v Bratislave v 15. storocí // Stredoveké mesto ako miesto strenutí a komunikacie / Pod red. Jana Lukački a Martina Stefanika. Bratislava, 2010. S. 109–115.

Wenzel G. Ozorai Pipo. Magyar történelmi jellemrajz Zsigmond király korából. Pest, 1863.

Wyss A. Eberhard Windeck und sein Sigmundbuch // Centralblatt für Bibliothekswesen. Jg. 11, Heft 10–11. 1894. S. 433–483.

Zsigmondkori oklevéltár / Összeállította Mályusz E. és Borsa I. 2., 4. köt. Budapest, 1956–1997.

Список литературы

Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

Наумов Н.Н. Эберхард Виндеке как социальное явление (эл. ресурс) // Ломоносов: Материалы XXII Международного молодежного научного форума. Москва, МГУ им. Ломоносова, 13–17 апреля 2015 г. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7085/uid65340_report.pdf (дата обращения: 15.02.2016).

Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне Нового времени. М., 1974.

Aeneae Sylvii vita Sigismundi imperatoris // Palacký F. Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837 zur Aufsuchung von Quellen der böhmischen und mährischen Geschichte. Prag, 1838. S. 109–114.

Aschbach J. Geschichte Kaiser Sigmunds. Bd. 4. Hamburg, 1845.

Brix Cr. Die politischen Konflikten in der Heimatstadt Johannes Gutenbergs, 1411–1444: Überlegungen zu den Patreien und ihren Zielen // Gutenberg-Jahrbuch. Hrsg. von St. Füssel. Jg. 85. Mainz, 2010. S. 95–111.

Eberhardi Windeckii Mogunt. Historia vitae Imp. Sigismundi vernacula // Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxonicarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. Col. 1073–1288.

Eberhard Windecke emlékirata Zsigmond királyról és koráról / Fordította, sájtó alá rendezte és a bevezető tanulmányt írta Skorka Renáta. Budapest, 2008.

Eberhart Windeckes Denwürdigkeiten zum Zeitalter Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893.

Fichard J.C. von. Eberhard Windeck, der Biograph König Siegmunds // Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Literatur und Geschichte. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1815. S. 324–381.

Grimm J.W. Deutsches Wörterbuch. Bd. 12. Leipzig, 1854–1961.

Hardt H. von der. Eberhardi Windeck, Caesaris Sigismundi ministri perchari, vita et historia Imperatoris Sigismundi // Rerum universalis concilii Constantiensis tomus 5. De praeclaro apparatu et incorporabili pompa magni hujus concilii. Frankofurti et Lipsiae, 1699. P. 6–7.

Härtel H. Handschriften der Nieder-sächsischen Landesbibliothek Hannover / Beschreibungen von H. Härtel und F. Ekowski. Wiesbaden, 1982.

Ioannis G. Chr. De patriciorum veterum Moguntinensium familis, discrimine, juribus, contentionibus, fatis Commentariolum // Scriptorum historiae Moguntinensi cum maxime inservientium T. 9. Cum indicibus locupletissimis curante G. Chr. Ioannis. Francofurti-ad-Moenum, 1727. P. 449–464.

Johanek P. Eberhard Windecke und Kaiser Sigmund // Sigismund von Luxemburg. Ein Kaiser in Europa / Hrsg. von M. Pauly und F. Reinert. Mainz am Rhein, 2006. S. 143–155.

Kern Th. von. Eberhard Windek, der Geschichtsschreiber König Sigismunds // Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte. Neue Folge [2. Serie]. Jg. 4. 1875. S. 349–362.

Leibnitz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 12. Berlin, 1989.

Lorenz O. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des 13. Jhs. Bd. 2. Berlin, 1888.

Menhardt H. Verzeichnis der altdeutschen literarischen Handschriften der österreichischen Nationalbibliothek. Bd. 1. Berlin, 1960.

Moraw P. Personenforschung und deutsches Königtum // Zeitschrift für historische Forschung. Jg. 2. 1975. S. 7–16.

Schneider J. Das illustrierte «Buch von Kaiser Sigmund» des Eberhard Windeck // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Jg. 61. 2005. S. 169–180.

Skorka R. Egy középkori emlékirat kutatási lehetőségei // Diszciplínák határain innen és túl. Szerk. Balogh M. Budapest, 2007. 447–462. old.

Skorka R. Pozostalost Joriga Kuntzelmana – alébo náhodný subeh udalosti v Bratislave v 15. storocí // Stredoveké mesto ako miesto strenutí a komunikacie / Pod red. Jana Lukački a Martina Stefanika. Bratislava, 2010. S. 109–115.

Wenzel G. Ozorai Pipo. Magyar történelmi jellemrajz Zsigmond király korából. Pest, 1863.

Wyss A. Eberhard Windeck und sein Sigmundbuch // Centralblatt für Bibliothekswesen. Jg. 11, Heft 10–11. 1894. S. 433–483.

Zsigmondkori oklevéltár / Összeállította Mályusz E. és Borsa I. 2., 4. köt. Budapest, 1956–1997.